

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК*

С позиций реалий нового времени анализируется значение Второй мировой войны (великой войны), ее хода и последствий для формирования основополагающих принципов современного миропорядка. Автор концентрирует внимание на трех значимых аспектах проблемы: 1) характере Второй мировой войны; 2) изменениях, вызванных этой войной и 3) ее влиянии на политическую и правовую мысль. Рассматривается также влияние Второй мировой войны на ситуацию, сложившуюся непосредственно в Польше.

The meaning of the World War II (Great War), its course and consequences needed to take into account at forming the basic principles of a modern world order are analyzed from the viewpoint of some new time realities. Three important aspects of the issue are given attention to: 1) the World War II character; 2) caused changes and 3) its impact on political and legal thought. Analysis is also given to the World War II impact on the situation settled directly in Poland.

В истории международных отношений полувековой период 1939–1989 гг. имел особое значение. Можно утверждать, что он завершил собой предшествующую эпоху международных отношений Нового времени и стал этапом формирования того мира, в котором будут жить последующие поколения. Поэтому следует обратить внимание на то, какие характерные черты Второй мировой войны делают ее столь важной вехой в политической истории.

Дальнейший анализ будет сконцентрирован на трех проблемах. Во-первых, на характере этой войны, которая очень сильно отличалась от предыдущих войн по масштабам использования военной техники и в еще большей степени по целям, поставленным воюющими сторонами. Во-вторых, на изменениях, вызванных этой войной в структуре международных отношений, среди которых можно выделить как те, которые ушли в небытие спустя пятьдесят лет после начала войны, так и те, которые до сих пор актуальны в мировой политике и будут иметь силу еще много десятилетий. В-третьих, на влиянии Второй мировой войны на политическую и правовую мысль. В завершение следует поразмышлять над тем, каким образом эта война сказалась на ситуации в Польше.

Первая и последняя тотальная идеологическая война

В 1939 г. началась война, которая оказалась последней тотальной войной в истории человечества и которая создала предпосылки для качественно нового мирового порядка. Анализ прошедших эпох показывает, насколько значимо наследие этой войны. Этому даже не противоречит то, что ликвидация послевоенного («ялтинского») раздела Европы существенно изменила систему международных отношений. Ничуть не умаляя значения «осени народов», падения Берлинской стены, окончания «холодной войны» и, наконец, распада Советского Союза, я готов защищать тезис о том, что основополагающие черты современного мира были сформированы в результате хода и последствий Второй мировой войны.

Раймонд Арон в своем большом труде, посвященном вопросам войны и мира в послевоенную эпоху, необычайно точно показал, в чем заключается принципиальная новизна международных отношений после Второй мировой войны¹. В результате достигнутого в то время качественно нового уровня военной техники тотальная война между государствами, обладающими ядерным оружием, перестала быть рациональным способом ведения международной политики. В прошлом остались времена, когда война была продолжением политики иными средствами. Завершилась эпоха Карла фон Клаузевица, крупнейшего военного теоретика XIX в. Спустя четырнадцать лет после выхода упоминавшейся книги Раймонд Арон опубликовал обширный труд, представляющий собой наиболее глубокий в мировой литературе анализ теории войны Клаузевица в совершенно изменившихся условиях

* Опубликовано в: *Krakowskie Studia Międzynarodowe*. 2009. № 3 (VI).

послевоенного мира². Абсолютная война, тотальная война стала «эссенциальной невозможностью». Мир вынужден был научиться решать глобальные конфликты иными средствами.

Результатом гипертрофии тотальной войны стала реализация двумя супердержавами стратегии «устрашения», наиважнейшим элементом которой был обоюдный ядерный шантаж. Вместо войны действительной появилась война потенциальная – гонка ядерных вооружений привела к ситуации, при которой действительная война стала невозможной, поскольку означала бы уничтожение человечества. Все это создавало угнетающее чувство перманентной угрозы, о чем напоминают появившиеся в годы «холодной войны» апокалиптические фильмы, как, например, известный фильм «На последнем берегу» Стэнли Краммера. Следует признать, однако, что жизнь в страхе перед атомной угрозой была компенсирована для человечества тем, что ему не довелось приносить реальные жертвы в войне, ведущейся обычными средствами.

Значение Второй мировой войны заключается в том, что она привела к такому развитию технических средств ведения войны, при котором политика, направленная на разжигание нового мирового конфликта между крупными державами, стала нерациональной. Это не означало того, что любые войны прекратились. Они, однако, превратились в явления, локальные и ограниченные по масштабам. Некоторые локальные войны лишь потому не переросли в мировую войну, что политики, принимавшие стратегические решения, ясно отдавали себе отчет о тех угрозах, которые несет в себе эскалация военных действий. Так было, например, в 1950 г., когда президент Трумэн отклонил предложение генерала Макартура о бомбардировке (в том числе и атомными бомбами) территории Китайской Народной Республики, войска которой направились на помощь Северной Корее. Периодически вспыхивавшие войны между Израилем и его арабскими соседями завершались перемириями, прежде всего потому, что их продолжение грозило дальнейшей эскалацией насилия вплоть до столкновения крупных держав. Особенно очевидно это было во время войны 1956 г., когда СССР угрожал Израилю ракетными ударами³. Однако угроза эскалации военного конфликта хотя бы косвенно приводила к прекращению боевых действий во всех войнах с участием Израиля, начиная с 1948 г. Равным образом во время вьетнамской войны Соединенные Штаты, считаясь с опасностью конфликта с СССР и рассчитывая на его помощь в заключении перемирия, ограничивались бомбардировками Северного Вьетнама, но не атаковали его территорию сухопутными силами⁴. В то же время Советский Союз избегал по отношению к западным государствам таких шагов, которые могли бы сделать локальные конфликты поводом к мировой войне. Итогом такой умеренности, продиктованной страхом перед ядерной катастрофой, стала «холодная», а не «горячая» война между двумя блоками государств, находившихся между собой в отношениях более враждебных, чем отношения между блоками накануне Первой мировой войны. Мир стал результатом победы не пацифистских идей и не повсеместного принятия норм международного права, а результатом страха, который, несмотря ни на что, стал спасительным. Впервые с незапамятных времен почти во всех европейских государствах растет уже третье поколение, для которого война не является частью жизненного опыта. Только это можно считать достаточным основанием для того, чтобы признать Вторую мировую войну переломным моментом в истории человечества. К этому, однако, не относится ее наследие.

Вторая мировая война была не только тотальной войной, но и войной идеологической, т. е. такой, ставкой в которой был выбор господствующего мировоззрения, а не только узкие интересы отдельных государств. Идеологические войны были и в прошлом. Здесь можно вспомнить средневековые крестовые походы, Тридцатилетнюю войну 1618–1648 гг. или войны рево-

люционной Франции с рядом коалиций европейских монархий. Однако эти войны были исключениями, поскольку и в отдаленном прошлом, и в эпоху после Венского конгресса основным мотивом войн между государствами была борьба не за универсальные идеологические и религиозные принципы, а за конкретные частные национальные интересы (территориальные, экономические, династические или др.).

Идеологический характер последней великой войны был определенного рода парадоксом. Она началась с соглашения двух тоталитарных держав – гитлеровского Третьего рейха и сталинского Советского Союза. До июня 1941 г. война имела чисто идеологический характер – в защиту демократии против тоталитаризма. Это не была война, как утверждали французские пацифисты, «за Гданьск». Гданьск, или «коридор», был лишь предлогом, и, даже если бы Польша уступила Германии в этих вопросах, быстро нашлись бы новые требования для того, чтобы обосновать немецкие притязания на мировое господство. Гитлеровская Германия начинала войны не для округления своих границ, а для установления мировой гегемонии, позволяющей реализовать свое видение нового мирового порядка, основанного на господстве избранной тевтонской расы.

В первой фазе войны вторая тоталитарная держава – Советский Союз – готова была, хоть возможно и временно, завуалировать свою идеологическую враждебность в отношении фашизма, поскольку предполагалось, что война создаст условия для реализации идеологических целей советской политики в плане поддержки мировой революции. Сталин, отрицая идею «перманентной революции» Льва Троцкого, никогда вместе с тем не отрекался от идеи победы коммунизма в мировом масштабе, только стремился к осуществлению этого постепенно, через ряд поэтапных шагов, соответствующих изменяющимся условиям. Одним из таких шагов стало соглашение с Германией, которое дало Советскому Союзу несколько лет мира, а также (что было особенно важно для стратегии Сталина) сделало возможным начало вооруженного конфликта между двумя группами капиталистических стран. Такая война должна была длиться долго и привести к обоюдостороннему истощению сил воюющих государств, что позволило бы советской державе вмешаться в борьбу в выгодный для себя момент и использовать его для революционного переустройства мира. «Россия, – писал Генри Киссинджер, – сыграла решающую роль в начале обеих мировых войн. В 1914 г. Россия поспособствовала развязыванию войны, упорно держась своего союза с Сербией; в 1939 г., освобождая Гитлера от опасности войны на двух фронтах, Сталин должен был знать, что своим поведением он делает войну неизбежной. В 1914 г. Россия довела дело до войны, защищая свою честь. В 1939 г. она стремилась к разжиганию войны, чтобы затем принять участие в дележе трофеев, полученных в результате немецких завоеваний⁵.

Если у Сталина были подобные расчеты, то он явно ошибся в оценке сил крупнейших государств. До затяжной и изнурительной позиционной войны по образцу 1914–1918 гг. дело не дошло. Не более чем через год Германия стала гегемонистским государством, контролирующим почти всю территорию Европы, за исключением Великобритании и Советского Союза. Великобритании удалось защититься от предполагавшегося немецкого вторжения благодаря победе в битве за воздушное пространство (*Battle of Britain*), но у нее не было сил для того, чтобы лишить Германию ее завоеваний на Европейском континенте. Если бы Германия не напала на СССР, а Япония не атаковала Соединенные Штаты, Вторая мировая война могла бы закончиться тем, что почти вся Европа оказалась бы под господством гитлеровской Германии. Для СССР это был бы весьма невыгодный сценарий. В таких условиях для него следовало бы либо признать доминирование гитлеровской Германии, либо пойти на конфликт с нею в ситуации, очень

опасной для СССР. От обоих этих вариантов сталинское государство спасла стратегическая ошибка Гитлера: нападение на востоке в то время, когда еще не закончились боевые действия на западе (даже, правильнее сказать, на юге, поскольку сухопутная война в то время проводилась в Северной Африке).

Американский политолог Бартон Уолли в увлекательной книге о закулисе немецко-советской войны выдвинул гипотезу, в соответствии с которой Гитлеру удалось заставить Сталина врасплох не потому, что он не обладал информацией о подготовке к немецкому вторжению, а потому, что не верил, что Германия способна была совершить столь нерациональный ход. Он считал, что Гитлер готовится к предъявлению ему жесткого ультиматума, и был готов на уступки. Будучи сам прагматичным реалистом, Сталин не мог поверить, что его «партнер» поступит столь настолько рискованно⁶. Причины, по которым Германия решилась на столь рискованный и, как оказалось, губительный для нее шаг, до конца не выяснены, что, собственно, не столь важно по сравнению с его последствиями.

Немецкое нападение на Советский Союз существенно изменило идеологический характер войны. Она перестала быть битвой демократии и тоталитаризма и превратилась в войну созданной в экстренном порядке коалиции демократических государств и коммунистического СССР против коалиции европейских фашистских государств и милитаристской Японии. Война оставалась идеологическим конфликтом, однако ясность идеологических контуров была стерта. В СССР была приглушена «антиимпериалистическая» риторика и произошло возвращение к прежней антифашистской риторике. В Соединенных Штатах и Великобритании, наоборот, была приглушена антикоммунистическая пропаганда, а советская действительность стала представляться в более светлых, чем прежде, тонах.

Сглаживание идеологических различий между западными демократиями и коммунистическим тоталитаризмом не означало того, что война потеряла свой идеологический характер. Она стала рассматриваться, если использовать определение из военных мемуаров генерала Дуайта Эйзенхауэра, как «крестовый поход». Крестовый поход – это война во имя абсолютного добра против абсолютного зла. Таким абсолютным злом стал гитлеровский тоталитаризм с его стремлением к порядку, основанному на власти «расы господ» и на порабощении, а частично даже уничтожении «низших» рас. Проводя политику геноцида, гитлеровская Германия и ее союзники во многом заслужили отношение к ним как к абсолютному злу.

Такой подход означал войну до полной победы, до безоговорочной капитуляции и уничтожения гитлеровского режима. Такова логика идеологической войны. А Вторая мировая война и была войной именно идеологической, несмотря на факт идеологической разнородности, существовавшей в лагере победителей.

Идеологический характер войны означал делегитимизацию фашизма. Хотя в наше время то здесь то там возрождаются небольшие группы последователей фашизма и нацизма, данные идеологии настолько себя скомпрометировали, что ни одна сколько-нибудь значительная политическая сила не признает подобной преемственности. В идеологическом смысле Вторая мировая война означала тотальное поражение коричневого тоталитаризма.

⁶ Интересным показателем политической ситуации в США в то время стало издание биографии Сталина, написанной Львом Троцким в изгнании в Мексике. Эту биографию после убийства Троцкого (к слову говоря, работавшего над ней в момент убийства советским агентом) подготовил к печати и перевел на английский язык американский троцкист Чарльз Маламуд. Однако издания книги пришлось ждать до 1946 г., поскольку ни один издатели не хотел ее публиковать в период военных действий. По тем же причинам во время войны правительства США и Великобритании отрицали факт Катынского расстрела в качестве сталинского террора.

В то же время она не означала поражения другого – красного – тоталитаризма. Вопреки надеждам многих поляков не повторился сценарий 1918 г. – поражение России от Германии и нанесение поражения последней западными демократическими государствами. На этот раз союзники встретились в центре покоренной Германии. Коммунизм и советская империя не были уничтожены в войне. Совсем наоборот! Одним из последствий войны стало огромное возрастание авторитета Советского Союза и привлекательности коммунистических идей во многих государствах антигитлеровской коалиции. Далекие от симпатий к коммунизму американские историки подчеркивают влияние победы СССР во Второй мировой войне на значительное, хоть и кратковременное, как потом оказалось, возрастание привлекательности коммунистической идеологии в Западной Европе, а частично также и в Соединенных Штатах. Мартин Малиа открыто пишет о том, что быть носителем коммунистических взглядов считалось «престижным» в прогрессивной среде Западной Европы⁷. Историческим событием, укрепившим идеологическую привлекательность коммунизма, стала победа китайской революции и установление собственными силами, без советских танков, второй коммунистической державы. Однако последующие разочарования – «откровения» Хрущева о сталинском терроре, интервенции в Венгрии и Чехословакии – привели к тому, что очарование коммунизмом полностью ушло в прошлое, по крайней мере, в развитых и богатых странах северного полушария.

Вместе с тем Вторая мировая война привела к триумфальному возрождению демократических идей. Демократия, понесшая серьезные потери в 30-е гг. XX в., сейчас вернулась в ареоле спасительницы мира от гитлеровского кошмара. «Вторая волна демократизации» (1943–1962) привела к троекратному увеличению числа демократических государств (с 12 до 36), а среди всех государств с населением свыше одного миллиона человек – с 19,7 до 32,4 %⁸. Несмотря на позднейший регресс в 1960-е и в начале 1970-х гг., можно утверждать, что начало триумфальному шествию демократических идей в период «третьей волны» (1974–1994) положила победа демократических государств во Второй мировой войне. И что наиболее важно, укрепление демократической идеологии оказалось прочным и устойчивым, чего нельзя сказать о кратковременном росте популярности коммунистической идеологии.

Результатом такого характера Второй мировой войны стало то, что послевоенный мир приобрел форму двухполюсного раздела на идеологически и политически враждебные блоки государств, каждый из которых находился под гегемонией одной из сверхдержав. Такой раздел, особенно в первое десятилетие, был очень глубоким. Существовала реальная угроза третьей мировой войны, до которой дело не дошло прежде всего потому, что развитие военной техники принципиально изменило характер будущей войны и привело к тому, что война перестала быть допустимым способом реализации политических целей. По обе стороны этого раздела во главе государств находились политические реалисты. Так, Сталин и его преемники хорошо знали, что война с Соединенными Штатами и их союзниками приведет их к поражению. На другой стороне преобладало реалистичное убеждение, что советскую экспансию можно и нужно сдерживать, но в то же время лишение Советского Союза его послевоенных завоеваний находится за гранью допустимого риска. Почти на полвека мир оказался разделенным, а его восточная часть была подчинена советской гегемонии. Только лишь внутренние социальные и политические процессы, произошедшие в коммунистиче-

⁸ Совершенно другой случай представляет собой огромная популярность коммунистической идеологии в Латинской Америке, где коммунистическая Куба, противостоящая американской гегемонии, до сих пор имеет многочисленных сторонников.

ских государствах, привели (через полвека после начала Второй мировой войны) к мирному демонтажу коммунистической системы в Европе. Это позволило преодолеть послевоенный раскол Европы и укрепить демократический строй в мировом масштабе.

Временные и устойчивые изменения международного порядка

Послевоенная структура международных отношений не имела аналогов в истории последних двух тысячелетий. На месте раздробленной структуры, опирающейся на равновесие сил между множеством крупных региональных государств, возникла двухполюсная политическая система, в рамках которой две сверхдержавы разделили власть над миром.

Двухполюсный характер международных отношений был основан в первую очередь на той роли, которую сыграли Соединенные Штаты и Советский Союз в последней великой войне. В военном, политическом и идеологическом смысле они стали полюсами, к которым примыкали другие государства. Ослабление других государств было обусловлено ходом войны и ее последствиями. Германия и Япония потерпели поражение и были оккупированы победителями. Должно было пройти определенное время, чтобы эти государства были допущены к участию в международных отношениях на равных с другими правах. Крупнейшие государства демократического Запада, прежде всего Франция и Великобритания, были ослаблены войной, а послевоенная ликвидация колониальной системы подорвала их статус в качестве великих держав. Судьбы мира зависели от событий, которые происходили между Вашингтоном и Москвой. Это означало уменьшение роли и значения всех других государств. Равновесие сил осталось правилом международных отношений, но теперь это уже было равновесие блоков, а не отдельных государств. Средние по масштабам, а тем более маленькие государства вынуждены были приспосабливаться в своей политике к стратегии, определяемой одной из двух сверхдержав.

Существовало, правда, серьезное отличие во внутренних отношениях в рамках каждого из блоков. Гегемония СССР была навязана силой; гегемония США стала результатом свободного выбора демократических государств Западной Европы, которые по своей воле объединились вокруг США, чтобы предотвратить угрозу со стороны СССР. На периферии американской сферы влияния в некоторых государствах Латинской Америки или Азии эта гегемония была установлена насильственно, о чем свидетельствуют такие события, как военная интервенция США в Доминиканской Республике в 1963 г. или инспирированные ЦРУ перевороты в Иране (1953), Гватемале (1954), Чили (1973). Однако это были исключения, так как в большинстве демократических государств граждане добровольно поддерживали союз с США. Между двумя блоками государств борьба носила идеологический характер, была борьбой «за душу человечества», как ее назвал президент США Джордж Буш⁹.

Такая ситуация, однако, постепенно эволюционировала. Хотя вплоть до окончания «холодной войны» мир был двухполюсным, в рамках системы произошли изменения в результате появления третьей мировой империи – Китая. Путь Китая, начиная от стагнации и упадка в XIX в., через революцию 1911 г., авторитарное правление Гоминьдана, длительную войну с Японией (1931–1945) и гражданскую войну, завершившуюся победой коммунистов в 1949 г., идеологические эксцессы маоизма и вплоть до политики реформ, проводимой правительствами Дэн Сяопина и его преемников уже более тридцати лет, является поучительным примером постепенных изменений с опорой на прагматичные, а не идеологические цели государственной политики. «Исходным пунктом этих реформ, – пишет знаток современного Китая Юзеф Бучыньски, – стала замена маоистской доктрины “классовой борьбы” идеей построения экономически сильного Китая»¹⁰. Перелом в международном положении Китая наступил в 1970-е гг., когда в условиях

неудачной вьетнамской войны Ричард Никсон скорректировал политику США по отношению к Китайской Народной Республике, наладил с ней контакты и инициировал американскую политику игры на противоречиях между СССР и КНР. Внутренние реформы вместе с прагматичной (а не идеологической) внешней политикой принесли Китаю статус третьей великой державы. Распад советского блока в Европе, а затем и развал СССР сделали Китай единственной мировой державой, способной хоть в какой-то мере к ограничению американской гегемонии. Через двадцать лет после окончания «холодной войны» Китай является сильнейшей после США страной в мире. Некоторые эксперты видят в росте могущества Китая наиболее сильную угрозу для гегемонии США, однако только лишь в дальнесрочной перспективе второй половины XXI в.¹¹ Это, правда, лишь дело будущего. Вторая половина XX в. прошла под знаком мировой гегемонии двух держав, которые победили во Второй мировой войне.

После окончания «холодной войны» гегемония США стала основанием для нового, не имевшего ранее аналогов в истории глобального миропорядка. Считалось, что такая ситуация приобретет устойчивый характер на многие десятилетия. PAX AMERICANA по образцу древнего PAX ROMANA должен был принести мир ценой всеобщего признания американского господства.

После терактов в сентябре 2001 г. и последовавших за ними в качестве реакции американских вторжений в Афганистан и Ирак ситуация усложнилась, а способность США выступать в качестве мирового гегемона была поставлена под сомнение. Внешняя политика США в период президентства Дж. Буша столкнулась с очень сильной критикой, в том числе в самих США. Збигнев Бжезинский назвал ее «катастрофической» и открыто призвал соотечественников передать бразды правления на выборах 2008 г. тому, кто будет представлять совершенно иной политический курс¹². Радикальные критики американского «милитаризма» видят в политике Дж. Буша выражение империалистических и милитаристских тенденций, преобладающих, по их мнению, издавна в американской политике¹³. Другие обвиняют президента Буша в поспешных и необдуманных решениях¹⁴ или же возлагают основную тяжесть вины на неудачливого министра обороны Дональда Рамсфельда¹⁵. Эти различия в нюансах интересны, но не они являются для нас главными. Самое важное то, что, с точки зрения многих весьма компетентных экспертов в американской политике, реакция правительства США на сентябрьские теракты 2001 г. серьезно подорвала авторитет этой страны.

В определенной степени соглашаюсь с подобными оценками. Еще в 2004 г., когда критика политики США в Ираке не была столь распространенной, как сейчас, я писал о том, что «война в Ираке привела Соединенные Штаты к существенному кризису. От того, каким образом он будет разрешен, зависит намного больше, чем судьба самого Ирака. От этого зависит вся архитектура международных отношений в начале нового столетия»¹⁶. Через несколько лет, уже после президентских выборов 2008 г., я выразил надежду на то, что с новым руководством и новыми идеями, которые представляет Барак Обама, Соединенные Штаты начнут реализовывать «политику сотрудничества и лидерства, а не гегемонии и диктата» в отношении союза демократических государств, в рамках которого США останутся «сильнейшей державой в современном мире»¹⁷.

Ослабление США может оказаться временным, как в случае с вьетнамской войной – первой в истории войной, которую Америка проиграла. Необходимым условием для этого будет, однако, выход из обеих «войн Буша», что на самом деле труднее, чем может показаться с первого взгляда. Без выхода из этих войн Соединенные Штаты не смогут вернуть себе статус мирового лидера. Может быть и так, что быстрый рост экономического могущества Китая произойдет ранее того, спрогнозированного Збигневом

Бжезинским, временного интервала, о котором шла речь. Вместе с тем поворот мира к полностью многополярной архитектуре международных отношений, существовавшей до Второй мировой войны, не представляется правдоподобным вариантом, по крайней мере, в ближайшие десятилетия.

Рождение новых идей

Вторая мировая война стала важной вехой в развитии политической и правовой мысли. Идеи, рожденные в тот период или же непосредственно после него, принципиально отличаются от прежнего способа восприятия мирового порядка.

Жертвой войны стали либеральные иллюзии, связанные с построением совершенно нового международного порядка, который опирался бы на запрет войн и решение всех споров между государствами исключительно правовым путем в рамках Лиги Наций. Нобелевские премии мира, присужденные президенту Вудро Вильсону (в 1919 г.) и Норманну Энджеллу (в 1933 г.), отражали характерную для того времени веру в то, что оптимизм строителей нового международного порядка не был утопическим. Однако этот оптимизм не смог справиться с тем вызовом, который представлял для этих концепций гитлеровский план мирового господства, направленный на ревизию условий Версальского мира.

Вторая мировая война стала триумфом политического реализма, восходящего к сформулированной Николо Макиавелли и развитой Арманом де Ришилье идее государственного интереса как наивысшей цели в политике государства. Современная формулировка этой идеи является в первую очередь заслугой послевоенного поколения американских теоретиков, прежде всего Ганса Моргентау, Джорджа Кеннана и Генри Киссинджера¹⁸. Подчиняя политику США американским национальным интересам, под которыми понималось в первую очередь обеспечение безопасности Америки, они отодвинули на задний план моральные и идеологические аспекты. В условиях идеологического конфликта между двумя блоками государств это было очень важно, поскольку позволяло проводить политику, соединяющую в себе категоричность с умеренностью. Соединенные Штаты, независимо от риторики времен «холодной войны», не строили свои отношения с СССР исключительно на идеологической конфронтации, а стремились к соглашению, которое учитывало бы интересы безопасности обеих держав и сохраняло их гегемонию в соответствующих сферах влияния. Такая политика встречала и встречает своих критиков, но на протяжении всего периода «холодной войны» эта политика была проявлением глубоких изменений, произошедших в международно-политическом мышлении после времен вильсоновской утопии.

Такой поворот к реализму не был явлением исключительно американским. Если проследить послевоенную политическую мысль в других демократических государствах, заметно то, что наибольший авторитет снискали себе сторонники политического реализма, как, например, Раймонд Арон, переложивший на язык теории то, что в сфере политической практики реализовывал Шарль де Голль.

Триумф политического реализма не был единственным идейным последствием Второй мировой войны, еще одним ее последствием стало новое понимание принципа самоопределения народов.

Данный принцип, который появился ранее в политической мысли¹⁹, возвел в ранг нормы, регулирующей международные отношения, президент Вудро Вильсон. Однако в его понимании это был принцип, касающийся исключительно народов Европы и Америки и не затрагивающий колониальные народы. Ни в знаменитых 14 пунктах Вильсона, ни в программных документах Лиги Наций нельзя усмотреть интенции расширения принципа самоопределения на колониальные народы. Иначе обстояло дело в период Второй мировой войны и особенно после ее окончания. Программа деколо-

низации, сформулированная Организацией Объединенных Наций* и внедренная в жизнь в значительной мере под ее влиянием, существенно углубила понимание доктрины самоопределения. Вскоре понятие самоопределения приняло всеобщий характер. В то же время в противоречие с ней вступала политическая практика, предполагающая существование сфер влияния со стороны обеих сверхдержав. Особенно это характерно для народов, находившихся под влиянием СССР, что, по сути, означало де-факто принесение в жертву права на самоопределение на алтарь сохранения равновесия между крупнейшими государствами в послевоенном мире. Такое противоречивое понимание права на самоопределение народов в послевоенный период стало основанием для обвинений обеих сверхдержав в лицемерии. В то же время для колониальных народов Азии и Африки новое понимание принципа самоопределения означало их включение в число независимых государств послевоенного мира.

Третьим последствием Второй мировой войны в сфере политической и правовой мысли стал отказ от идеи абсолютного («версальского») суверенитета государств, которые в недавнем прошлом наделялись ничем не ограниченным суверенитетом во внутренних делах. С начала эпохи Нового времени, а в особенности после Вестфальского мира, завершившего собой Тридцатилетнюю войну, в международной политике господствовал принцип неограниченного суверенитета государств в плане проведения внутренней политики. Соблюдение этого принципа было прервано на четверть века серией войн, которые вела революционная, а затем наполеоновская Франция с рядом коалиций государств, защищавших дореволюционные порядки. Однако после Венского конгресса этот принцип вновь был положен в основание международных отношений и пережил Первую мировую войну. Только лишь Вторая мировая война с ее невиданными ранее в истории Нового времени масштабами преступлений против человечества обусловила ревизию представлений о государственном суверенитете. Переломным моментом в этом плане стала принятая в 1948 г. ООН Всеобщая декларация прав человека. С этого времени государства уже не могут игнорировать критику в свой адрес по поводу отношения к собственным гражданам, ссылаясь на то, что это их «внутренние проблемы». На практике, конечно, дело обстоит так, что привлечение к ответственности за нарушение прав человека возможно лишь по отношению к слабым государствам (и то только в тех случаях, когда это выгодно крупным державам). Тем не менее на уровне мышления последняя война привела к существенным изменениям, которые представляются положительным явлением. Сам факт того, что люди, ответственные за совершение преступлений против человечества, предстают перед международными трибуналами, выступает предостережением для других. Борцы за права человека в деспотических государствах в наше время не настолько изолированы, как их предшественники в период между мировыми войнами и в более ранние эпохи. В этом плане мир находится в начале долгого и трудного пути, но старт уже сделан. После всех ужасов Второй мировой войны он стал психологической и моральной необходимостью.

Послевоенная Польша

Польша принадлежит к тем странам, на судьбу которых война оказала очень сильное влияние. Чисто политические последствия войны были менее существенными, чем казалось большинству из нас в первые послевоенные десятилетия. Навязанная Польше политическая и экономическая система не продержалась и пятидесяти лет. Третья Речь Посполитая на

* По этому вопросу ООН были приняты следующие документы: Декларация о признании независимости колониальных стран и народов (14 декабря 1960 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (16 декабря 1966 г.) и Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами (24 октября 1970 г.) (ср.: Kubiak H. Ibid. S. 64).

самом деле не является возрождением Второй Речи Посполитой, однако наследует ей в большей степени, чем Польской Народной Республике. Это не означает того, что все прошедшие годы прошли бесследно в плане социальных отношений, культуры и менталитета польского общества; это напоминает, однако, о том, что политические системы изменяются быстрее, чем основные сферы общественной жизни.

Наиболее существенным изменением для Польши по сравнению с другими европейскими странами после Второй мировой войны стало изменение ее границ и этнического (а также конфессионального) состава населения. Произошло географическое передвижение на запад, несмотря на то, что более сорока лет Польша принадлежала к «Восточной Европе», границы которой определялись чисто политически.

Изменение границ стало следствием той роли, которую сыграл СССР во Второй мировой войне, когда в качестве союзника гитлеровской Германии смог расширить свои границы за счет в первую очередь Польши, а затем и ряда других государств Восточной Европы. Затем, уже как союзник Соединенных Штатов и Великобритании, Советский Союз получил согласие этих государств на признание новой польско-советской границы. В качестве компенсации Польша приобрела значительные германские территории; при этом в соответствии с решениями Потсдамской конференции большая часть немецкого населения, которое там проживало, была выселена в Германию. Следствием этих изменений явилось существенное сокращение населения, принадлежавшего к трем национальным меньшинствам, жившим в Польше до войны (украинцы, белорусы, немцы). Проведенное гитлеровской Германией массовое уничтожение евреев привело к сокращению в Польше еврейского населения на 90 % по сравнению с довоенным периодом. Послевоенная эмиграция польских евреев, причинами которой были периодические вспышки антисемитизма, воспоминания о трагических событиях военного периода и возникновение государства Израиль, привела к почти полному исчезновению данного этнического меньшинства в послевоенной Польше.

Польша стала в значительной мере моноэтническим и моноконфессиональным государством, в то время как в довоенное время католицизм исповедовали преимущественно этнические поляки, а национальные меньшинства придерживались главным образом других вероисповеданий. В этом смысле была реализована мечта крайних польских националистов, далеких от восхищения другими аспектами жизни в послевоенной Польше.

Такие изменения не были возможны в мирное время. Нельзя себе представить, чтобы какое-либо демократическое польское правительство добровольно отказалось от Львова и Вильни. Сохранение польской власти на утраченных территориях после Второй мировой войны с неизбежностью привело бы к хроническому конфликту с национальными устремлениями украинцев, белорусов и литовцев. Опыт народов бывшей Югославии показывает, трагедия каких масштабов могла бы постичь Польшу, если бы она сохранила свое господство на «кресах восточных». Хотя отрыв этих территорий стал тяжелым ударом для поляков (причем не только для тех, которые там проживали), долговременные результаты подобных изменений имели положительный эффект. На сегодняшний день Польша может выстраивать свои отношения с Украиной, Беларусью и Литвой на принципах добрососедства и общих интересов, что было бы немыслимо в случае сохранения довоенных границ.

Подобная ситуация складывается и тогда, когда речь идет о польско-германской границе. Несколько десятилетий эта проблема была препятствием для налаживания нормальных отношений между странами. Однако, как оказалось, она не стала непреодолимой преградой. Польша и Германия сегодня не только хорошие соседи, но и вместе состоят в структурах Евро-

пейского Союза и НАТО. Отношения между ними в данный момент выстраиваются куда лучше, чем когда-либо ранее.

Иначе обстоит дело с последствиями Холокоста. Польша навсегда утратила очень важную, на мой взгляд, особенность страны, в которой веками проживала многочисленная еврейская община и не только развивала собственную оригинальную культуру, но и содействовала формированию особого климата плюралистической польской культуры. Несколько веков Польша отличалась от других европейских государств толерантностью по отношению к еврейскому населению, которое чувствовало себя здесь в большей степени дома, чем где бы то ни было. Этого факта не отменяют ни проявления религиозного антииудаизма, ни все более усиливавшийся с середины XIX в. антисемитизм. Смертельный удар, нанесенный гитлеризмом польским евреям, способствовал духовному обеднению Польши. Предпринимаемые в настоящее время усилия, направленные на актуализацию знаний о еврейской культуре в Польше и о вкладе евреев в развитие польской культуры, являются данью памяти той, навсегда уничтоженной гитлеризмом, странице польской истории.

Национальная и конфессиональная гомогенность решает многие проблемы, но в то же время и многие создает. Она порождает привлекательность идей о полном единообразии, о маргинализации всех, кто не соответствует стереотипу «поляк=католик». Нарастание популярности подобных идей необратимо. Недаром в преамбуле Конституции 1997 г. написано:

Мы, народ Польши – все польские граждане (...)

Та Польша, которая сформировалась после Второй мировой войны, может стать именно таким народом.

¹ См.: Aron R. Paix et guerre entre les nations. Paris, 1962 (wydanie polskie: Pokój i wojna między narodami (teoria). Warszawa, 1995).

² См.: Aron R. Penser la guerre, Clausewitz. Paris, 1976 (wydanie angielskie: Clausewitz, Philosopher of War. London, 1983).

³ См.: Gebert K. Wojna czterdziestoletnia. Warszawa, 2004. S. 12.

⁴ См.: Karnow S. Vietnam: A History. New York, 1983. P. 583.

⁵ См.: Kissinger H. Dyplomacja. Warszawa, 1996. S. 377 (wydanie amerykańskie: Diplomacy. New York; London, 1994).

⁶ См.: Whaley B. Codeword Barbarossa. Cambridge, 1973.

⁷ См.: Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. London, 1999. S. 364.

⁸ См.: Huntington S.P. The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century. London, 1991. P. 26 (wydanie polskie: Trzecia fala demokratyzacji. Warszawa, 1995).

⁹ См.: Leffler M.P. For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union, and the Cold War. New York, 2007.

¹⁰ Buczyński J. Chiny – partner czy hegemon? // Europejski Przegląd Prawa i Stosunków Międzynarodowych. 2009. № 2 (9). S. 27.

¹¹ См.: Brzeziński Z. Wielka szachownica. Warszawa, 1998 (wydanie amerykańskie: The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York, 1999).

¹² См.: Brzeziński Z. Second chance, Three Presidents and the Crisis of American Superpower. New York, 2007 (wydanie polskie: Druga szansa. Warszawa, 2007).

¹³ См.: Boggs C. Imperial Delusions. American Militarism and Endless War. Lanham, 2005.

¹⁴ См.: Holmes S. The Matadors's Cape: America's Reckless Response to Terror. Cambridge, 2007.

¹⁵ См.: Herspring D. Rumsfeld's Wars. The Arrogance of Power. Lawrence, 2008.

¹⁶ Wiatr J.J. Refleksje o polskim interesie narodowym. Warszawa, 2004. S. 92.

¹⁷ Wiatr J.J. Rola USA po okresie hegemonii // Europejski Przegląd Prawa i Stosunków Międzynarodowych. 2009. № 2 (9). S. 51.

¹⁸ См.: Morgenthau H.J. In Defense of the National Interest. A Critical Examination of American Foreign Policy. New York, 1951; Kennan G.F. Realities of American Foreign Policy. New York, 1966; Kissinger H. Dyplomacja. Warszawa, 1996 (wydanie amerykańskie: Diplomacy. New York; London, 1994).

¹⁹ См.: Kubiak H. U progu ery postwestfalskiej. Szkice z teorii narodu. Kraków, 2007. S. 51–58.

Перевод с польского кандидата философских наук И.А. Бортника

Поступила в редакцию 21.11.11.